мымъ каждый разъ, какъ между стремленіями этихъ индивидуумовъ оказывается противорѣчіе.

Графъ Толстой не касается этой стороны вопроса, но и не углубляясь въ метафизическія соображенія, не трудно видѣть, что если жизнь наша не есть результатъ слѣпой случайности или голодной безсознательной воли, то страданіе индивидуумовъ не можетъ имѣть цѣлью поддержанія этой жизни, все равно въ себѣ ли самомъ или въ себѣ подобныхъ.

И физическая боль и нравственныя страданія могутъ имѣть разумное объясненіе только въ томъ, что они, какъ и вся наша жизнь, составляютъ необходимое звено для достиженія другой положительной цѣли.

Такъ думаетъ повидимому и самъ гр. Л. Н. Толстой, хотя не всегда выражаетъ эту мысль съ одинаковою ясностью.

Вѣра въ безсмертіе, говоритъ онъ, не можетъ быть воспринята кѣмъ бы то ни было; нельзя себя самого убѣдить въ безсмертіи для того, чтобы вѣра эта существовала,—нужно безсмертіе, а для того, чтобы существовало безсмертіе, нужно пониманіе того, что̀ дѣлаетъ нашу жизнь безсмертною. Для того, чтобы вѣрить въ будущую жизнь, необходимо выполнить свою жизненную задачу и въ этой жизни установить новое отношеніе къ тому міру, который уже не вмѣщается въ этомъ.